

УДК 396.1

«УМА НЕ НАДО»: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖЕНЩИНЕ – НАУЧНОЙ РАБОТНИЦЕ В ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ*

Н. Л. Пушкарева

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

В статье анализируются данные прессы и интернет-сообщества, стереотипизирующие представления о женщине – научной работнице. Данные сопоставлены с мнением респондентов – женщин-ученых разных поколений. Статья продолжает многолетние исследования гендерной составляющей в системе характеристик научного сообщества советской и современной России и доказывает наличие гендерной асимметрии как основы гендерной дискриминации в современном российском обществе

К л ю ч е в ы е с л о в а : наука, женщины, гендер, гендерная симметрия, сексизм, дискриминация.

N. L. Pushkareva. “NEEDS NO BRAINS”: SOCIAL IDEAS ABOUT WOMEN IN SCIENCE IN THE POST-SOVIET SOCIETY

The article analyzes data from mass media and the Internet that build up stereotypes concerning female scientific workers. These data are compared with the opinion of the respondents – female scientists of different generations. The paper continues the long-term study of the gender component in the system of characteristics of the scientific community in the Soviet and modern Russia, and proves their exists gender asymmetry as the basis for gender discrimination in modern Russian society.

Key words: science, women, gender, gender asymmetry, sexism, discrimination.

Не стану приводить фольклоризированное и уже бытующее в сетевых перепалках между блогерами начало высказывания, к тому же оно – всего лишь парафраз старинного «сила есть – ума не надо». Женский вариант этого фольклоризированного тезиса – сексистский по сути, комический эффект в нем основан на инвективе. Однако вынести в заголовок вторую часть считаю необходимым: постоянный рост числа жен-

щин-ученых, переживший (как это уже писано мною не раз) [Пушкарева, 1997. С. 3–8; 2002. С. 5–26; 2005. С. 290–291; 2006а. С. 39–59; 2006б. С. 5–32; 2007. С. 30–40; 2011. С. 168–192; 2012а. С. 161–173; 2012б. С. 5–23; 2012в. С. 105–121] не менее трех «волн» притока женщин в науку, заставляет поставить вопрос об отношении к женщине – научной работнице, ее уму, ее когнитивным способностям и поразмышлять о том, что меняется (и меняется ли) со временем.

Социальные представления как источник знаний об отношении к тому или иному факту или явлению уже не один год остаются в цен-

* Работа поддержана РФНФ (проект N 11-01-00283а), ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009–2013 гг., грант № 14.В 37.21.0013.

тре внимания Ж. Абрика – руководителя социально-психологической лаборатории французского университета Экс-ан-Прованса [Донцов, Емельянова, 1987; Полюшкевич, 2009]. О выявлении зависимости структурных элементов социального представления о женщине – научном работнике от результатов анализа интервью, касающегося осведомленности об историческом аспекте научной деятельности женщин, литература обширна [Щавелева, 2003. С. 68–69]. Согласно его подходу, «представление – иерархизированная совокупность элементов, организованных вокруг так называемого “центрального ядра” или наиболее стабильной части представления, которые окружены формирующимися и самоорганизующимися другими элементами (периферийный и факультативный слои)». Это понимание представлений, такой подход к ним, важные для социальных психологов, методологически существенны и для тех, кто изучает изменяющийся статус женщин и отношение к ним в обществе. В нашем случае можно поставить вопрос и об изменении отношения к женщинам в рамках научного сообщества – вначале при советской власти, теперь уже в течение двадцати лет после нее.

Тема «женщины в российской науке», казалось бы, не нова. В ней видели смысл иногда и советские историки (обращавшие внимание, главным образом, не на дискриминации, особенно после социалистической революции, а на биографии отдельных представительниц, сделавших славу не только себе, но и стране еще при «царском режиме»). Отчасти эта тема была представлена и в работах специалистов по социологии знания, опубликованных позже, в 1980-е – начале 1990-х гг., в условиях проникновения гендерной теории и ее подходов в современную российскую гуманитаристику. Однако изучению «женской темы» в истории русской науки очень не хватает исследований, основанных не на количественных показателях, а на качественных: тех, что заставляют услышать голоса, во-первых, самих научных работниц, во-вторых, тех, кто за ними наблюдает, сочувственно или насмешливо. Данная статья немного восполнит этот пробел.

Что касается научных работниц в списочном составе Российской академии наук, то это достаточно большая социальная группа. По данным пятилетней давности, она составляла около 25 тыс. чел. В настоящее время эти показатели изменились незначительно (в сторону уменьшения, поскольку сократилась численность научных работников вообще). Обратим внимание на другое: на то, что женщин – научных работниц,

достигших академического олимпа – званий членов-корреспондентов и действительных членов Академии, всегда было очевидно мало. Мало что изменилось и теперь: в настоящее время в РАН женщин всего 9 среди действительных членов (из 496 чел.) и около 30 (из 729 в списочном составе) среди членов-корреспондентов. (На 2012 год численность членов-корреспондентов и академиков в РАН – 1225 человек, из них 496 академиков и 729 членов-корреспондентов РАН. При этом 137 академиков и 262 члена-корреспондента РАН работают вне системы научных организаций РАН [Кто самый молодой академик РАН, 2012; В РАН более 40%..., 2009]). И это по всем наукам!

Как раньше, так и теперь усилия представительниц «второго пола» достигнуть независимости, расширить круг своих интересов и поле деятельности наталкиваются на стереотипные представления о неких «естественных склонностях» женщин к традиционности, неизменности, нетребовательности (в плане адекватной оценки их научного вклада). Насколько участие женщин в творческой научной деятельности есть ответ экономической необходимости? В какой мере женщинам – научным работницам приходится преодолевать собственные внутренние побуждения и свои помыслы, якобы вращающиеся (согласно традиционному утверждению) вокруг «жизненного предназначения» женщины – материнства? Можно ли считать, что избрание научной карьеры любой женщиной есть источник ее постоянного внутреннего конфликта и неуверенности, поскольку отважившаяся делать собственную карьеру должна якобы всегда платить за свою смелость отказом от чего-то важного, что составляет основу душевного спокойствия, благополучия и удовлетворенности жизнью? Эти вопросы важно поставить историку, культурологу, социальному психологу, чтобы не только констатировать наличие гендерных асимметрий, но и задуматься о путях их преодоления.

Предваряя анализ собранных скриптов (в этом проекте я использовала и метод опроса, и неструктурированных многочасовых биографических интервью – их, кстати, около 30, и «самоотчета»), вводя в исследование собранные «на просторах Интернета» высказывания современников разных возрастов и уровней образования, приведу важное наблюдение феминистски ориентированной английской психотерапевтки Герды Лернер. Именно она ввела в научный оборот понятие «страха отдаления» как оппозиции успеху. Речь идет о специфических переживаниях женщин, заявивших о своей компетентности и карьерных амбициях,

но вынужденных постоянно бороться с бессознательной тревогой, сопротивлением окружающих и давлением стереотипов. Объясняя с психоаналитических позиций этот феномен, Г. Лернер пришла к выводу, что в личном плане профессиональная компетентность есть отрицательный фактор для женщин. Он порождает страх успеха, который может рассматриваться как «страх отдаления» – от семьи, от подруг (не достигших того же), от близких, от друзей-мужчин, а вместе с ними – стать источником неудовлетворенности своей женственностью. Этой теме, на российском материале, была посвящена одна моя специальная публикация [Пушкарева, 2012а. С. 161–173].

Очевидно, что женская успешность в науке напрямую связана с представлениями о женщинах-ученых, бытующими в социуме в целом и в научном (академическом) сообществе в частности. Эта тема заставляет спорить о способности женщин самостоятельно продвигаться по научной лестнице (без помощи мужчин – научных руководителей, отцов, мужей и т. п.). Поскольку научная работа рассматривается как мужская сфера деятельности, именно от мужчин ожидают более высоких результатов, скорее обеспечивают необходимыми ресурсами. Женщинам приходится все время доказывать, что они способны вести научные исследования на высоком уровне, им надо добиваться признания коллег, преодолевать предубеждение, согласно которому женская работа изначально воспринимается менее позитивно. Приходится бороться и со сложившейся практикой, согласно которой женщины всегда имеют меньшее влияние на групповые решения. Казалось бы, давно известно, что большинство современных ученых – не настоящие ученые (то есть эвристические искатели знаний), а технологи и прикладные аналитики (воспользуемся размышлениями Джона Фаулза, писателя-романиста...), однако быть технологом (прикладным аналитиком) все еще не очень престижно – а как раз большинство женщин выполняет именно эти функции [Oertzen, 2012. S. 103–119]. Та же Г. Лернер отметила, что успех женщин (поскольку он не соответствует ожиданиям увидеть женскую «слабость», «неспособность» и стремление надеяться на помощь) скорее соотносят не со способностями отдельных женщин, а с внешними причинами. К таким относят формальную удачу, везение, легкость решения проблемы или, напротив, необыкновенное (не свойственное мужчинам) трудолюбие [Lerner, 1993. P. 14].

Российские социологи поставили задачу перепроверить данные, полученные американ-

ской исследовательницей гендерной составляющей профессиональной дискриминации женщин, занятых в сфере науки, подверстав под ее вопросы российский материал [см. одно из наиболее репрезентативных исследований: Мирская, 2000б. С. 965 – 973; см. также популярный вариант той же статьи: Мирская, 2000а. С. 13]. При этом они опирались на методику определения ценностных ориентаций (М. Рокича), а также на модифицированный тест-опросник для измерения мотивации достижений (А. Мехрабиана, М. Ш. Магомед-Эминова). Вопрос представлений о женщине – профессионале в научной деятельности важен еще и потому, что влияет на их профессиональную активность. В свою очередь, последняя сказывается не только на эффективности их работы, но и на специфике самосознания – весьма существенной составляющей творческого потенциала. Самосознание ученого – предпосылка и итог его научной деятельности, ресурс функционирования науки и индикатор состояния научного сообщества, призванного осуществлять ее развитие [Мирская]. Неспособность освоить новые реалии, неумение утвердить себя в изменившемся социуме и связанная с этим потеря устойчивой самооценки, – все это очень типично для положения современной женщины в науке. Перечисленное выше, высказали свою гипотезу российские социологи, приводит к фактическому снижению уровня притязаний женщин в научном сообществе и замене реальных действий нереальными [Харламенкова, 1996. С. 186–187].

Согласно собранным *количественным* данным о женщинах-ученых, социально-психологический портрет женщины – научной работницы предполагал сравнительно молодой средний возраст – 31,3 года (данные начала 1990-х гг., сейчас этот возраст приближается к 40 годам). Обратим внимание на то, что к 2012 году общая численность работающих в научных организациях, подведомственных РАН, – 104 236 человек, в т. ч. именно научных работников (т. е. не включая научно-технический персонал, лаборанток, а именно от младших научных сотрудников до главных) – 51 908 человек. Сейчас средний возраст: академиков – 72,6 года, членов-корреспондентов РАН – 66,1 года, докторов наук – 61,7 года, кандидатов наук – 50,6 года, научных сотрудников без ученой степени – 40,5 года, и эта цифра как раз и совпадает со средним возрастом женщин – работниц РАН. Большинство из женщин, работающих сейчас в Академии наук, имеют не только высшее образование (иногда не одно), но и ученые степени, звания. Опять же большинство из них состояли в браке, родили детей.

Но при том более половины женщин, занятых в науке и работающих в РАН, имели и имеют очевидно низкий доход, покрывающий менее половины семейного бюджета, хотя работали и работают они (имеется в виду профессиональная занятость) 42,15 часа в неделю и считают ненормированный рабочий день нормальным.

К этому добавим еще одно свойство, которое бесспорно отличает российских женщин-ученых от их коллег-мужчин. Это довольно высокая степень эмоциональной вовлеченности в работу. Говоря о своих предпочтениях, они упоминают о желании обрести такую работу, на которой бы они были наделены большей управленческой властью, избежав при этом ответственности, риска и напряженного графика труда. Это не случайно. У подчиненного всегда больше надежд и иллюзий, что его идеи могут быть востребованы. Отвечая только за свой блок работы, подчиненные (ими чаще всего и оказываются женщины) более свободны в своих предложениях, высказываниях, инициативах – ведь не они несут ответственность за их реализацию. Размышляя о возможности стать руководителями, женщины – научные работницы редко рассуждают о том (и редко отдают себе отчет в том), что подобные социальные перемещения вверх могут означать рождение ощущения постоянного беспокойства, неизбывной тревожности и готовности к постоянной постановке и решению задач. Они говорят совсем о другом:

«Никто не смотрит на тебя как на женщину. Становишься публичным человеком, тебя разглядывают со всех сторон, и после этого ты уже не можешь быть самой собой» [Биолог, 50 лет. Записано 13.01.2010 // Архив автора. Неструктурированные автобиографические интервью с женщинами-учеными 1950–1960 гг. рождения].

Впрочем, это не единственные минусы высокого статуса для женщины, но о них говорят чаще всего. Публичность, забывание о себе – не только то, что приписывается женщинам-ученым общественным мнением, но и то, что подчеркивается самими близкими, членами их семей, и респондентки о том знают и говорят:

«Наша мама на работе у директора сидит, о семье она забыла – о планкарте говорит». Мои дети написали эти стихи, когда я впервые стала начальником – возглавила отдел...» [Синцова, 2005].

Коллеги и близкие, размышляя о том, какими становятся женщины, избравшие научную стезю, отвечают на этот вопрос так: «Отсутствие чувства юмора – прямая дорога в науку» [http://www.gorodnaneve.com/-portal/modules/newbb/viewtopic.php?topic_id=1082&forum=15].

Ну а говоря том, что дарует наибольшую удовлетворенность выбором профессии, респондентки старшего поколения (1950 – начала 1960-х годов рождения, ныне сами бабушки) выделяют «содержание работы» (творческий труд, интересные виды деятельности), а наименьшую удовлетворенность получают, понятное дело, от оплаты своего труда [Нугаев, 2003]. Стоит заметить, что они оценивают именно современную ситуацию – когда престиж научной работы упал, когда зарплата бюджетников в научных учреждениях ниже средней по стране. Во времена их молодости, когда они избирали научную стезю, все было совсем наоборот: и труд высоко оплачивался, и статус ученого был престижным. Достаточно вспомнить отображение этого отношения в художественной литературе (Вениамин Каверин «Открытая книга», повести И. Грековой в 1970-е годы) и кино («Весна», «Девять дней одного года»). Именно к тому времени – 50–60-м годам прошлого века – миф об «интеллектуальной неспособности» женщин заниматься научной деятельностью оказался полностью разрушен. Женщина, достигшая определенного положения в науке, показывала (и это отобразила художественная литература) высокие деловые качества, самодисциплину, чувство собственного достоинства, способность к конкурентной борьбе, ответственное отношение к делу.

Менее доказанной на тот и на сегодняшний момент оставалась лишь социально-психологическая обусловленность в развитии научно-познавательных способностей. Так, определенные традиции и культурные экспектации, которые в процессе взаимодействия ребенка с окружающим миром интериоризируются, влияют в дальнейшем на его мотивацию, систему ценностей, уровень тревожности и уверенности в себе и, в конечном счете, на образование у девочек ощущения «стеклянного потолка». Он был всегда, и респондентки разных возрастов так или иначе (не называя его именно так), но упоминают о нем. По сей день низкую продуктивность женщин нередко связывают с отрицательным влиянием таких факторов, как неуверенность в себе, низкий уровень самооценки. Не стоит забывать, что это формируется у женщин еще на уровне подготовки к научной карьере – в школе, в университете, когда юным созданиям буквально втемяшивают в голову, что им надо еще самореализоваться как мама и жена.

«"Женщины-ученые" (есть такой типаж) могут неожиданно вочеловечиваться и начинать прекрасно готовить», – иронизирует один из форумчан [Общество гендерного потребления,

2007]. «Мама мне говорила (*иронически*): «Учись гладить рубашки – в жизни пригодится!». И от нее же я слышала глубоко меня уязвлявшие высказывания типа «Если б вы были мальчики!» Так что вся моя сознательная жизнь – это доказательство, что я не хуже, чем если б я была мальчиком», – признается респондентка – профессор МГУ [Филолог, 51 год, Москва // Архив автора. Запись 5.02.2005.].

Т. П. Емельянова и М. А. Щавелева, проанализировавшие структуру социальных представлений о женщине – научном работнике в 1990-е годы методом кластерного анализа, определили центральный («ядерный», наиболее устойчивый и малоизменчивый) слой социального представления – то есть те признаки, которые отмечены особой теснотой корреляционной связи понятий «женщина» и «наука». К ним, как выяснилось, относятся представления об умственных, творческих, научно-организационных способностях женщин – научных работниц. Периферийную позицию заняли личностные черты, описание внешности, сексуальной привлекательности и др. Проведенные исследования («свободные ассоциации» у мужчин и женщин, по 30 человек в каждой возрастной и образовательной когорте) выявили некоторые повторяющиеся черты, которые приписывают женщинам – научным работницам люди разного пола, имеющие высшее образование и лишенные его. Они приведены в нижеследующей таблице, отображающей представления о женщине – научной работнице среди мужчин и женщин с разным уровнем образования [Емельянова, 2012; Щавелева, 2003, 2013].

Сопоставления ответов позволили сделать вывод о том, что мужчины и женщины, отвечавшие на вопросы, по-разному понимали главную характерную черту женщин – научных работниц. Женщины, участвовавшие в опросах, поставили на первое место ум, мужчины – компетентность, образованность, не считая их

равными понятию ума и обращая внимание на значимость не сложно формализуемой данности, а когнитивных способностей. Умственные способности своих современниц с учеными степенями сравнительно высоко оценили женщины без образования (33,3%), вероятно, относясь с уважением к тем, кто отучился в вузах и университетах и добился той или иной научной должности или научного звания.

Личностные черты и стиль общения женщины – научной работницы (то есть социальный и морально-этический компоненты) составили в среде опрошенных, имеющих высокий образовательный уровень, важную, но не первичную группу признаков. В группе мужчин с высшим образованием доля признаков, описывающих внешность женщин – научных работниц, очень мала – 12,5 %. Похоже, коллегам, в сущности, все равно, как мы выглядим и есть ли общие внешние черты, характерные для всех нас – женщин, занятых в науке. Заметим, однако, что десять лет спустя – когда специальная программа фирмы «Л'Ореаль» поощрения и премирования женщин, успешных в науке, стала восприниматься как норма – выступающие и поздравляющие женщин-ученых мужчины стали куда чаще упоминать о «женской красоте» дипломанток. Чуть позже были проведены исследования лингвистов, выяснилось, что среди успешных ученых-женщин нескольких поколений наиболее распространенным именем является Наталья (более 34 % рано защитивших докторские диссертации и занимающих посты руководителей в системе науки). «Высокая достоверность различий по исследуемым признакам профессиональной успешности в связи с именем, на уровне $p < 0,01-0,001$, позволяет получить подтверждение о существовании взаимосвязи между именем и успешной реализацией человека в профессии...» [Иванова, 2001]. Еще одно наблюдение последних лет:

Женщины без высшего образования	Мужчины без высшего образования	Женщины с высшим образованием	Мужчины с высшим образованием
Ум – 53 % Целеустремленность – 47 % Симпатичность – 33 % Коммуникабельность – 33 % Чувство юмора – 27 % Эрудиция – 27 % Интеллект – 20 % Образованность – 20 % Одиночество – 20 %	Ум – 47 % Коммуникабельность – 43 % Целеустремленность – 40 % Красота – 20 % Жесткость – 20 % Невнимание к своей внешности – 17 % Способность доказать – 17 % «Хорошая хозяйка» – 17 %	Педантичность – 40 % Ум – 37 % Деловитость – 30 % Независимость – 27 % Сдержанность – 27 % Коммуникабельность – 23 % Целеустремленность – 23 % «Старая дева» – 23 % Дисциплинированность – 23 % Смелость – 23 %	Компетентность – 60 % Образованность – 53 % Коммуникабельность – 43 % Деловитость – 33 % Доброта – 30 % Ум – 27 % Неумение одеваться – 27 % Воспитанность – 27 % Одиночество – 27 % Вежливость – 27 %

«Если говорить о гендерной принадлежности “способного молодого человека”, мечтающего о научной карьере, то, по мнению значительного числа респондентов (43 %), на способность к научной работе она не влияет (в этом убеждены прежде всего люди с высшим образованием – 53 %). Почти столько же респондентов (41%) полагают, что к научной работе более способны мужчины, и лишь немногие (6 %) – что женщины; 10 % затруднились ответить на этот вопрос...» [Шмерлина, 2008].

В то же время мужчины без высшего образования обратили в 2 раза большее внимание на личностные черты, стиль общения, особенности внешности ученых дам (25 %), полагая априори, что деятельницы науки, как правило, некрасивы (мужчины с высшим образованием таких обобщений не делают), неухожены, не следят за собой. Здесь трудно не вспомнить бытующий уже несколько веков подход к женщинам-ученым как к «синим чулкам» – неухоженным, немодно одетым, внешне непривлекательным очкарикам:

«С женщинами-учеными не так радостно – кроссовки-джинсы-футболка, стрижка – “чтобнеприсыватьсяутром”, косметика – последний раз на выпускном балу...» [Астронавтка, 2006].

Как тут не вспомнить бессмертные строки А. П. Чехова:

«Что хорошего быть синим чулком! Синий чулок... Черт знает что! Не женщина и не мужчина, а так, середка на половине, ни то, ни се! Ненавижу синих чулков! Никогда бы не женился на ученой... Бог с ними, с этими умными и учеными женщинами! С простенькими лучше и спокойнее живется», – думает он, принимая от Лидочки тарелку с цыпленком...»... [Чехов, 1976. С. 260–263].

Воспитанные в духе традиционных стереотипов российские ученые мужи XXI века мысленно «допускают» женщин только – фигурально выражаясь – мыть пробирки, т. е. обслуживать их самих в науке:

- Девушка, у вас такие длинные пальцы... Вы на пианино играете?
- Нет, пробирки в институте мою... [Из шуток команды КВН Донецкого университета, осень 2003].

В социологии это явление именуют ролевой инкапсуляцией – невозможностью вырваться за пределы предписанной роли, в данном случае роли гендерной. А для женщин это роль обслуживающая [Золотов, 1992. С. 170].

Сами женщины – научные работницы, стремящиеся к достижению успеха и избеганию неудач, не обнаружили значимых различий в мотивации выбора ценностных ориентаций. Чаще всего они упоминали «интересность» работы, среди инструментальных ценностей – честность труда, эмоциональную вовлеченность в него, ориентацию на

будущее. В целом представление о женщинах – научных работницах у большинства социальных групп достаточно позитивное, за исключением признания непрестижности научного труда в экономике постсоветского периода.

Как женщины, так и мужчины привыкли к независимости женщин, посвятивших себя научной деятельности. Можно сделать вывод, что такое положение вещей позволяет научным работницам не чувствовать предвзятого к себе отношения, вести себя естественно, реже жертвовать своей женственностью и сексуальной привлекательностью. Конфликт между призванием к научной работе и ощущением, что это повлечет за собой отказ от женственности, редок. Здесь точно высказалась одна женщина-драматург: «Больше отравляет мысль о возможностях, которых у меня *не хватило ума упустить*. Сколько времени потрачено на бессмыслицу, на пустейшее желание нравиться, на чужих, чуждых, ненужных людей!» [Смирнова]. При этом большинство опрошенных женщин (72 %) считают, что мужчины-ученые, по сравнению с женщинами, достигают более высокого профессионального статуса в науке благодаря тому, что имеют для этого больше времени и возможностей. Мужчины-ученые (56 %) объяснили свой высокий профессиональный статус большей природной одаренностью [Скворцова, 2008. С. 22].

Подход этот явно присутствует в современном интернет-сообществе и его обсуждениях. Тема отношения к женщине – научному работнику как к «странной женщине» и неполноценному ученому («Женщины-ученые подобны морским свинкам... Как морские свинки – не морские и не свинки, так и женщины-ученые – не ученые и не женщины» [<http://cash4you.narod.ru/anekdot/1656.html>]), к сожалению, не устаревает.

«Женщина-ученый – [это] не шизоид, скорее параноид (не путать с шизофреником и параноиком), – рассуждает один из блогеров. – Шизоидам все равно, что о них думают другие, они просто очень замкнутые. А у параноидов мания величия, подозрительность (“мне завидуют”) ну и фантазии насчет своей значимости в глазах окружающих (“все меня уважают, все меня хотят”). Это не болезнь, так... расстройство личности» [Аноним, 2008].

Другой ему вторит, не стесняясь в выражениях:

«Женщины практичнее устроены. На кой хрен загружать себя некими абстракциями, когда нужно кормить/выращивать детей? По этой же причине все женщины-“ученые” – ни х... не ученые по своей сущности, а банальные карьеристки, которые ставят цели не открыть нечто, а добиться положения и матблаг» [Компрачикос (Comprachikos), 2007].

О досадных смещениях и расстройтвах личности у женщин-ученых не прочь поговорить те, у кого есть время «зависать» на форумах и обсуждениях и кто в свое время был не настолько самоотвержен, чтобы остаться работать в академических институтах за мизерную зарплату. «Ваше отношение к женщинам-ученым... Как вы относитесь к женщинам-ученым... Какие стереотипы о женщинах-ученых вы знаете?» – набрасывает вопросы модератор (2012 г.), получая в ответ:

«... И не женщина. И не ученый. Так и есть. Смотреть противно...»; «Они за наукой мужиков не замечают»; «Редкое явление! Основная часть формально одипломленных женщин не умны, как правило. Полные пробки да еще и с гонором!» и, наконец, безапелляционное: «Никогда не слышал о женщинах-ученых. От Архимеда до Ньютона и от Аристотеля до Эйнштейна ничего женщины не принесли науке. Ну разве что в их постелях валялись и деньги вытягивали...» [Общество, 2007].

На другом форуме этой сентенции нашлась достойная стихотворная антитеза, сформулированная молодой (1985 года рождения) авторшей по имени Ирина с ником «Девушка-без-комплексов»:

Могла бы сразить вас внушительным списком // прославивших Женщину женских ученых; // они были в юбках и были в погонах, // но делали дело без лишнего писка! // Ведь что характерно для женщины? – Скромность! // Сидел бы мужчина без женщины в луже, // но мысли, внедренные женщиной в мужа, // в науке вводили его в неумность. // Прошу оппонента: не будьте пижоном – // пусть имя мужское у многих открытий, // какие открытия Вы ни возьмите, // у ног их стояли пытливые жены! // Жена нащечечет герою дивана, // а дальше процессом командует Случай – // мужчина открытие нагло озвучит // и славу пригубит один из стаканов... // Не с целью мужчину за пояс засунуть // скажу, положив на алтарь свою руку, // что женщины больше вложили в науку, // чем наши мужчины могли бы подумать!

[Девушка-без-комплексов, 2008].

На защиту научной чести мужчин тут же встали оппоненты автора этих стихов, но получили обоснованный отпор:

– Излишен спор, кто больше или меньше, // Пока мужчины вкладывают в женщин (Павел Лукьяненко, 16.05.2008).

– Как будто, Павел, правды Вы не знаете, // что, чуть вложив, успешно вынимаете? [Девушка-без-комплексов, 2008].

«Девушка-без-комплексов» Ирина отметила, что именно мужчины изобрели дыбу, гильотину, испанский сапог и другие кошмарные орудия, но их почему-то сжигали как ученых-еретиков, а женщин – как простых ведьм. Не стоит забывать и того, что образ «сумасшед-

шего ученого» – это всегда образ ученого-мужчины, не женщины! [Mad scientist]. В конечном счете, наиболее примирительным может считаться высказывание:

«Говорить, что женщина не может быть ученым – это настоящее дискриминационное заявление (и неправда). Говорить, что, возможно, женщины в среднем менее склонны к занятию научной деятельностью – на мой взгляд, не дискриминация (как, например, утверждать, что женщины более усидчивы и более собраны, чем мужчины)». «Женщины могут заниматься наукой, но сами они ничего кардинально нового не придумывают, отлично растят детей и наводят уют»; «Женщины-ученые долго живут, хотя, к сожалению, их научные результаты менее значительные, чем у мужчин. Так что не бойтесь идти в науку...»; «Мечтательными их не назовешь, потому как все мысли у них о конкретных вещах, а вот задумчивые – это о них. Не случайно у женщин-ученых часто встречается такая походка. Ну а если это просто жена, то мысли ее больше всего будет занимать новый рецепт борща...» [Компрачикос (Comprachikos), 2007; Vokabula, 2005; Когда невеста задом крутит, 2007].

Но и оно (утверждение, что женщины *не способны* делать открытия и что-то самостоятельное) все же изначально дискриминационно, так как из него может следовать и такой вывод: «Женщина-ученый – поугай в науке. Подлинное любопытство знакомо лишь мужчинам» [Афоризмы].

Сами женщины, стремящиеся добиться успеха в науке, сталкиваются, по их словам, с серьезными проблемами: их стремление к достижениям, поглощенность исследовательской работой часто расцениваются как способ компенсации неудач в личной жизни; женщинам труднее вписаться в сеть неформальных коммуникаций. Факты дискриминации женщин-ученых при выдвижении на должность, при отборе работ для премирования отпугивают женщин от участия в амбициозных научных исследованиях, искусственно тормозя развитие их творческих способностей. Но достаточно один раз решиться – и... если повезет!.. страхи оказываются компенсированными. Екатерина Шишацкая, обладательница премии для молодых женщин-ученых 2009 года, призналась, что получение этой премии изменило ее жизнь, доказало ей, что женщины могут работать в науке не хуже мужчин. После этого знаменательного события она перестала отказываться от тех возможностей и предложений, которые ей поступали, – поверила в себя и решила подать документы на соискание премии Президента РФ в области науки и инноваций по итогам 2009 года. Теперь присуждение ей премии «Л'Ореаль»–ЮНЕСКО и премии Президента – основные вехи в ее жизни [Смирнов, 2012].

А если не везет? В реальном межличностном взаимодействии и в чисто личностном плане, как доказывают опросы, «компетентность» – скорее отрицательное, нежели положительное качество для женщин. Высококвалифицированные женщины – профессионалы в науке не пользуются расположением ни мужчин (они таким женщинам завидуют, соревнуются с ними), ни женщин (для которых они становятся чужими).

О том, что женщинам в НИИ РАН труднее вписаться в научное общество, говорит и тот факт, что им – по словам респонденток – лишь во вторую очередь дают сложную современную аппаратуру, а с ней и возможность использовать новейшие методы исследования. В обществе, где главенствуют мужчины и где господствуют чисто мужские установки и эталоны, женщина должна приложить особые усилия (иногда как раз опираясь на свои гендерные преимущества – сексуальность, внешние данные), чтобы добиться своего. Чем мотивируют женщины-ученые неудачи в своем стремлении к научным вершинам? Здесь, как убеждают данные биографических интервью, у женщин есть множество замещений, позволяющих успокоить саму себя в случае неудачи. Они находят поддержку в размышлениях о том, что у них «есть помимо науки» – и в этом случае наличие семьи и детей является компенсацией огромной значимости [Пушкарева, 2012а. С. 161–173]. Хотя все же они по привычке жалуются на отношение к себе как к неполноценным:

«Женщинам-аспирантам совсем тяжело – со всех сторон смотрят на нас как на идиоток: мол, замуж надо, детей рожать-кормить-воспитывать да борщи варить. Мол, какой из женщины ученый – так, фикция... Говорят это, конечно, те, кто уже мало на что способен, потому что мозги не свежие, быт заел...» [Форум аспирантов и соискателей, 2008].

Какой же в итоге представляют нашу современницу, женщину-ученого? Она, чаще всего, человек среднего и даже предпенсионного возраста, работающая в коллективе, во главе которого – мужчина-ровесник или даже младше ее. Она происходит из семьи служащих или ученых, чаще замужем, имеет одного, реже двоих детей, совсем редко (среди опрошенных нами респонденток таковых всего две) троих детей. Когда-то отлично отучившись в вузе, получив красный диплом, она либо стремилась получить дополнительное образование, либо поступила в аспирантуру. Подготовила кандидатскую диссертацию за 3–5 лет после института, не слишком рано, в 30–32 года (часто после беременности), за-

щитила диссертацию. Докторами наук из той плеяды выпускниц аспирантуры в каждом поколении стали немногие, от силы 10 % поступивших в докторантуру или вообще бравшихся за это дело, на подготовку докторской диссертации у них ушло от 10 до 20 и более лет. По сей день они самоотверженны в своей будничной научной деятельности – чаще ездят «в поле», ставят эксперименты, работают в стационарах, безропотно ведут наблюдения и занимаются лабораторной деятельностью, составляют базы данных, картотеки в библиотеках и архивах. И уже в силу такой самоотверженности крайне редко ставят вопрос о повышении зарплаты, меньше публикуются, чем мужчины, и чаще, чем мужчины, готовы печататься в соавторстве [Сычева, 2006].

К ним – как показали исследования, обобщенные в данной статье, – относятся предвзято, считают менее способными, чем мужчины, в научной профессиональной деятельности, заранее обрекают на выполнение обслуживающих функций (как в научных учреждениях, так и за их пределами), считают непривлекательными внешне и несамостоятельными в теоретических построениях, зависимыми от сильных руководителей-мужчин. И все же они остаются в науке, не уходят. И считают себя, по словам одной из респонденток 1927 года рождения, известного ученого-латиноамериканиста, «счастливыми, хотя бы иногда и ненадолго...» [Былинкина, 2006].

Источники и литература

Аноним. «Он сказал: „Все женщины – ДУРЫ, потому что не знают ни математики, ни физики и вообще элементарных вещей“ // Вуман-ру (Woman.ru). 1.10.2008–01.12.2012. URL: <http://www.woman.ru/relation/thread/3853701/26/?filter=all> (дата обращения: 05.05.2013).

Астронавка. Заберите меня отсюда! // Живой журнал. 7 сент. 2006. URL: <http://astronatka.livejournal.com/3615.html> (дата обращения: 05.05.2013).

Афоризмы. Пятая тетрадь. № 248 // Так говорил Камасутра // URL: <http://www.flesh.r52.ru/text3.5.3.php> (дата обращения: 05.05.2013).

Былинкина М. Всего один век. Хроника моей жизни. М., 2006.

Девушка-без-комплексов. Женщины-ученые // Хохмодром. Май 2008. URL: <http://www.hohmodrom.ru/project.php?prid=49200> (дата обращения: 05.05.2013).

Донцов А. И., Емельянова Т. П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М.: Изд-во МГУ, 1987. 128 с.

Емельянова Т. П., Щавелева М. А. Социальные представления о женщине – научном работнике // URL: <http://geniemarina.narod.ru/stat/stat2.html> (дата обращения: 05.05.2013).

Золотов Л. К. Проблемы участия женщин в научной деятельности // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований (Файнбургские чтения). Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 1992. 203 с.

Иванова В. В. Имя собственное: имя как знак // Иванова В. В. Общие вопросы самосознания личности. Киев, 2001. URL: <http://psylib.org.ua/books/ivanv01/txt09.htm> (дата обращения: 05.05.2013).

Когда невеста задом крутит, покоя в браке с ней не будет // Вечерняя Казань. 7 марта. 2007. URL: http://www.evening-kazan.ru/article.asp?from=number&num_dt=07.03.2007&id=24887 (дата обращения: 05.05.2013).

Компрачикос (Comprachikos). Провокационное // Живой журнал. 10 сент. 2007. URL: <http://chva.livejournal.com/242473.html> (дата обращения: 05.05.2013).

Кто самый молодой академик РАН? // Экивок. 14.10.2012. URL: <http://ecivoq.wordpress.com/2012/10/14/kto-samyj-molodoj-akademik-ran/> (дата обращения: 05.05.2013).

В РАН более 40% – женщины // Наука и технологии. 10.03.2009. URL: http://strf.ru/organization.aspx?CatalogId=221&d_no=18168 (дата обращения: 05.05.2013).

Мирская Е. З. Вот мы какие. Изменение самосознания академических ученых // URL: <http://www.informika.ru/windows/magaz/newpaper/messedu/cour0267/3600.htm> (дата обращения: 05.05.2013).

Мирская Е. З. Современные российские ученые в зеркале социологии // Независимая газета (НГ – Наука). 2000б. № 5 (30).

Мирская Е. З. Ученые Академии наук в 90-х годах // Вестник РАН. 2000а. № 11. С. 965–973.

Нугаев Р. М. Женщины-ученые в структуре татарстанского научного сообщества // Науч. Татарстан. 2003. № 3–4.

Общество гендерного потребления // 17 сент. 2007. URL: <http://voffka.com/archives/2007/09/17/038502.html> (дата обращения: 05.05.2013).

Полушкевич О. А. Основы анализа гендерной специфики социальных представлений. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009.

Пушкарева Н. Л. «Да зачем мне это нужно?» Почему российские женщины-ученые не «рвутся спесиво» к научной славе? // Жизнь в женском свете. Тверь: ТверГУ, 2012а. С. 161–173.

Пушкарева Н. Л. «Новые нищие»: российская наука на рубеже тысячелетий и ее женские кадры // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра. Проблемы психологии и образования / Ред. Л. В. Тычинина. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2012б. С. 5–23.

Пушкарева Н. Л. Libido academica (гендерный аспект просопографии академической жизни) // Антропологический форум. 2011. Вып. 14. С. 168–192.

Пушкарева Н. Л. Женщины-ученые в постсоветском фольклоре // Этнографическое обозрение. 2006а. № 4. С. 39–59; Вестник РГНФ. № 1 (46). 2007. С. 30–40.

Пушкарева Н. Л. Наука – не женское дело? К истории феминизации российской науки в начале XXI века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2012в. № 14. Вып. 2. С. 105–121;

Пушкарева Н. Л. Образованные женщины и женщины-ученые в исторических судьбах России X–XX вв. // Lomonosow. 2002. N 3. С. 5–26.

Пушкарева Н. Л. Первые российские женщины-ученые: опыт типизации индивидуальных жизненных стратегий // Женщины в отечественной науке и образовании / Отв. ред. А. И. Евстратова. Кострома, 1997. С. 3–8.

Пушкарева Н. Л. Умные, но бедные. Повседневный быт женщин-ученых в советской и постсоветской России // VI Конгресс этнологов и антропологов России. СПб.: ИЭА РАН, 2005. С. 290–291.

Пушкарева Н. Л. Этнография современной российской науки: гендерный аспект // Российское общество. Гендерное измерение / Отв. ред. Л. С. Егорова и др. Иваново: Изд-во ИвановГУ, 2006б. С. 5–32.

Синцова Г. Обыкновенный сексизм (Одиночество – цена статуса. Ради работы приходится приносить личные жертвы) // Огонек. 2005. Сент. URL: <http://www.ogoniok.com/archive/2005/4888/09-22-23> (дата обращения: 05.05.2013).

Скворцова Л. А. Управление гендерной асимметрии в науке (на материалах Забайкальского края). Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Чита, 2008. 22 с.

Смирнов С. Названы лучшие российские женщины-ученые // Наука и жизнь. 19.11.2012 URL: <http://www.nkj.ru/news/21380/> (дата обращения: 05.05.2013).

Смирнова А. С мороза // URL: http://www.gramotey.com/?open_file=1269083673 (дата обращения: 05.05.2013).

Сычева С. А. Портрет и статус женщины-ученого // Независимая газета. 2006. 22 нояб.

Форум аспирантов и соискателей. № 54. 17 сент. 2008. URL: <http://www.aspirantov.net/forum/index.php?action=recent;start=50> (дата обращения: 05.05.2013).

Харламенкова Н. Е. Психологический аспект проблемы самоутверждения личности // Вестник РГНФ. 1996. № 3. С. 186–187.

Чехов А. П. Розовый чулок // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30-ти т. М.: Наука, 1976. Т. 5. С. 260–263.

Щавелева М. А. Синдром эмоционального выгорания в профессиональной деятельности преподавателя высшей школы // Проблемы психологии и эргономики. 2003. Вып. 3. С. 68–69.

Щавелева М. А. Выявление зависимости структурных элементов социального представления о женщине – научном работнике от результатов анализа интервью, касающегося осведомленности об историческом аспекте научной деятельности женщин // URL: <http://geniemarina.narod.ru/stat/stat1.html> (дата обращения: 12.01.2013).

Шмерлина И. О науке и ученых. Опрос населения 12.06.2008 // Фонд общественного мнения. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/cult/sci_sci/d082324 (дата обращения: 12.01.2013).

Lerner Gerda. The Creation of Feminist Consciousness. Oxford Univ. Press, 1993. P. 14.

Mad scientist // URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Mad_scientist (дата обращения: 05.05.2013).

Oertzen von Christine "Was ist Diskriminierung?" – Professorinnen ringen um ein hochschulpolitisches Konzept (1949–1989) // Julia Paulus, Eva-Maria Silies, Kerstin Wolff (Hg.) *Zeitgeschichte als*

Geschlechtergeschichte / Neue Perspektiven auf die Bundesrepublik. Frankfurt-New York: Campus Verlag, 2012. S. 103–119.

Vokabula. Настроение траурное. Наука // Живой журнал. 2005. 6 дек. URL: <http://vokabula.livejournal.com/11007.html> (дата обращения: 12.01.2013).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Пушкарева Наталья Львовна

зав. сектором этногендерных исследований,
главный научный сотрудник, д. и. н., проф.
Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
Ленинский пр., 32а, Москва, Россия, 119991
эл. почта: pushkarev@mail.ru
тел.: (495) 9548078

Pushkareva, Natalia

N. N. Mikluho-Maklai
Institute of Ethnology and Anthropology
Russian Academi of Sciences
32a, Leninski avenue, 119991 Moscow, Russia
e-mail: pushkarev@mail.ru
tel.: (495) 9548078